

Тренды современной художественной литературы

Нельзя не отметить – люди стали меньше читать, да и вообще, чтение занимает далеко не первые места в приоритете предпочтительных занятий. Исследователи общественного мнения Левада-центр даже провели спецопрос и выяснили, что одна из причин утраты чтением своей былой значимости – многообразие современной литературы. Мы меньше читаем, потому что стало больше книг. Вот такой парадокс. Большинство читателей, просто утонувших в неконтролируемом информационном потоке, боится многостраничных серьезных текстов, и зачастую не видит само чтение в актуальном контексте. Наша задача, библиотекарей, показать, что литература – это не мертвая субстанция, написанная давным-давно и о чем-то очень далеком от современной реальности, а живой многогранный мир, в котором каждый день появляется что-то новое.

Библиотекам сегодня особенно важно говорить о литературе со своими пользователями, друг с другом и вести масштабную работу идеи и культуры чтения. Это поможет сократить дистанцию между возможностями библиотекарей и желаниями читателя.

Современный библиотекарь является проводником в мир литературы и всего, что с ней связано. Что же кроется за этой простой формулировкой? И как же успевать следить за новинками, итогами премий да еще и систематизировать все эти знания, тем самым помогая читателю? Пройдемся по всем ключевым точкам современной литературы. Предлагаем познакомиться с самыми знаковыми трендами, особенностями комплектования и с теми читательскими запросами, которые актуальны уже сейчас или будут в самое ближайшее время.

Тренд – это своеобразный вектор, указывающий направление динамики в определенной сфере. Тренды сегодня есть во всех областях нашей жизни: тренд на здоровое питание, на экологию, на разумное потребление, на борьбу за разные права и т.д. В литературе они появляются исходя из социального запроса: т.е. существует проблема, некая болезненная точка или смена воззрений на сложившуюся ситуацию, как тут же появляется тренд. Именно тренды определяют поле интересов наших потенциальных читателей, итоги литературных премий, актуальность той или иной книги. Давайте постараемся в них разобраться.

Тренд #Книги о детях и подростках.

До определенного времени ребенок в литературе был невидимым, он не был полноценным героем, от него мало что зависело. Достаточно сложно вспомнить «взрослое» произведение, где ребенку давались хотя бы реплики. Чаще всего это был безымянный и бессловесный персонаж, от которого

никто бы и не стал требовать самостоятельных действий. Считалось, что детство – это такой отдельный мир. Что «детская литература» никак не похожа на «взрослую» – она небольшая по объему, в ней должно быть мало героев, с которыми не происходит ничего страшного. Ну и конечно, взрослые не читают детские книжки. Все изменила Джоан Роулинг, которая полностью опровергла сказанное выше. Популярность «Гарри Поттера» среди взрослых показала, что взрослым интересно читать про детей, а детям – про взрослых. Именно с Джоан Роулинг начинается тренд на новую детскую литературу. Ребенок стал восприниматься как самостоятельная обособленная личность. Это позволило появиться книгам, где дети участвуют во взрослой жизни и могут справляться с серьезными проблемами. Издается много книг о детстве и подростках, которые читают и в том числе и взрослые. Для автора же оптика ребенка – удивительная вещь. Когда, казалось бы, обычные для взрослого вещи с позиции ребенка оказываются совсем другими. Немного изменить ракурс – и вот уже история заиграла новыми красками.

Например, происходящее с Джудом из «**Маленькой жизни**» Ханьи Янагихары вызывает у читателя такие сильные эмоции именно потому, что все подается с точки зрения ребенка, и тем самым мы сопереживаем именно ребенку, а не взрослому. Вообще, делая своим героем ребенка, т.е. человека заведомо слабее, автор сразу делает книгу более выигрышной по сравнению с другими. Так Джонатан Сафран Фоер в книге «**Жутко громко и запредельно близко**», делает главным героем мальчика, потерявшего отца в ходе терактов 11 сентября, и хотя в книге рассказываются и истории взрослых, но фиксация читательского внимания происходит именно на ребенке и мы видим все именно с его точки зрения. Происходит «десакрализация детства». Ребенок сейчас может быть не просто не лучше взрослого, а очень страшным героем. Эту тему активно использует Стивен Кинг - очень часто герои его книг дети, за которых страшно, но и которых боишься. Одним из примеров может служить его роман «**Институт**». Из ярких примеров русской литературы можно назвать Анастасию Мионову с «**Мамой**» и Евгению Некрасову с «**Калечиной-малечиной**», в обеих этих книгах героини весьма юного возраста, но при этом наделены субъектностью и являются полноценными личностями. Героиня Некрасовой просто делит мир на выросших и невыросших. Вот и все отличие.

Книги по теме: Кадзуо Исигуро «Не отпускай меня», Сергей Кузнецов «Живые и взрослые», Макклин Грейс «Самая прекрасная земля на свете», Сьюзан Хинтон «Изгой».

Тренд #Миллениалы.

Одним из ярких явлений последних лет стала мода на запутанные истории о чувствах, в которых сложно разобраться – такие истории называют «миллениальским романом». Долгое время нас учили романтической любви, часто безысходной, всегда с надрывом. Традиционная культура закрепила представление о том, что когда заканчивается любовь, заканчивается и жизнь

(должна закончиться, если вы приличный человек). Миллениалы отказались умирать после любви. И рассказали нам о мире постлюбви. Собственно, это то новое, что они привнесли в культуру: никаких разбитых сердец, никаких «легла и умерла». Нет, они не проповедуют бесчувственность или свободные отношения. Случается, они страдают ничуть не меньше, чем герои романов времен Джейн Остин. Типичный хеппи-энд миллениальского романа – не свадьба или намек на семейное будущее, не обретение друг друга в конце большого трудного пути. Чаще всего это именно история о том, как герои выживают после того как любовь заканчивается. Случается, герои и сами не заинтересованы в продолжение своей истории любви – и все сходит на нет тихо и мирно, без суицидов и проклятий. Миллениальский роман, таким образом, несет читателю идею о том, что ничего не длится вечно – даже самая прекрасная любовь. Все важные миллениальские истории (здесь ключевые авторы – это **Салли Руни и Отесса Мошвег**) – это в какой-то степени путеводитель по выживанию во время и после любви, нежели абстрактная фантазия о чувстве. Но не только любовь главный мотив миллениальского романа. Миллениальский роман в целом фиксируется на чувственном мире героя, на его мыслях, переживаниях. Такие романы достаточно сложно пересказать, т.к. в них мало действия, но много душевных метаний, много эмоций. В целом, это книги, где Я – на первом плане. Можно сказать, что это истории о человеке 30+, который не знает, кем будет, когда вырастет. Сейчас можно позволить себе жить до 35, не думая, кем будешь, но с другой стороны – часто сама жизнь заставляет тебя сделать выбор. И герои миллениальских романов все время балансируют на этой грани. Подобные книги вызывают полемическую реакцию, т.к. сфокусированы на персональных переживаниях. И эта реакция либо находит отклик у читателя, либо нет.

Книги по теме: Сали Руни «Нормальные люди» Оливия Лэнг «Одиноким город» и «Круто», Отесса Мошвег «Мой год отдыха и релакса» Ханья Янагихара «Маленькая жизнь», Хан Ган «Вегетарианка» Керен Климовски «Время говорить», Айелет Гундар-Гошен «Лгуны», Алла Горбунова «Конец света, моя любовь», Лили Кинг «Писатели и любовники».

Тренд #Дружба=Любовь.

Дружба как особый тип близких отношений все чаще оказывается в центре романов с высоким эмоциональным градусом. От «Щегла» Д. Тартт и «Маленькой жизни» Х. Янагихары до «Разговоров с друзьями» С. Руни – все эти книги убеждают читателей в том, что дружба может оказывать на нас воздействие, по силе равное любви, а иногда и оставаться единственной константой в жизни. «Диккенсовский сюжет» о том, как герой-одиночка обретает не кровную, но близкую по духу семью, получает новое звучание в

эпоху, когда традиционная модель семьи окончательно перестает быть единственной формой отношений. Причем, не всегда это дружба безоблачная. К примеру, итальянская писательница **Элена Ферранте («Неаполитанский квартет»)** и британка **Зэди Смит («Время свинга»)** пишут о токсичной и созависимой дружбе, в которой женщинам позволено быть крайне неприятными и несимпатичными. А пулитцеровский лауреат **Ричард Руссо в романе «Шансы есть»** о дружбе – запутанной, сложной, но очень прочной. Об этом и новый роман от **Кадзуо Исигуро** — лауреата Нобелевской и Букеровской премий. **«Клара и Солнце»** — это история Клары — андроида, едва появившегося на свет. Ее жизнь полностью зависит от того, кто ее купит. Несмотря на футуристичную атмосферу романа, это, прежде всего, история о семье, о дружбе и любви как особенном высшем качестве. С азартом и любопытством из-за широкого окна витрины Клара впитывает в себя окружающий мир — случайных прохожих, проезжающие машины и, конечно, Солнце. Она хочет узнать как можно больше, ведь так она будет полезна и нужна кому-то, так она станет идеальной подругой. Ее чистый и непосредственный взгляд вдруг помогает читателю взглянуть на привычные вещи другими глазами. Что такое любовь? Можно ли быть человеком, если ты не человек в биологическом смысле?

Тренд# Автофикшн.

Роман в частности и художественную литературу в целом хоронят довольно регулярно, но в последние десять лет говорить об этом стали чаще. А все потому, что на литературной арене возник жанр автофикшн. Давайте разберемся, что это за зверь такой.

Слово придумал Серж Дубровский в 70-х годах прошлого века. Он написал роман «Сын», где главного героя звала также как и автора, но это была художественная проза. И Дубровский, чтобы как-то обозначить это явление придумал такой термин как автофикшн. Т.е. это термин, обозначающий художественный роман, где часть деталей совпадает с фактами биографии автора. Этот жанр предполагает нарушение некой базовой конвенции между автором и читателем. Как считает читатель – если книга написана от первого лица, героя зовут также как автора и события совпадают с основными вехами биографии – то в книге все правда. Так вот, автофикшн – это своего рода обманная биография. Почему автофикшн стал популярен сейчас? Одной из причин можно назвать тотальное присутствие человека в соцсетях. В эпоху личных брендов автофикшн приобрел новое звучание и стал способом не только высказать свою позицию, поделиться важным опытом, но и преодолеть собственную травму через проговаривание (В британском варианте экранизации о Шерлоке Холмсе именно сообщать всему миру о том, что происходит с ним советует психолог доктору Ватсону. Так что с определенной точки зрения, приключения Шерлока Холмса

написаны в этом жанре). Жанр автофикшна стал палочкой-выручалочкой для авторов. Зачем выдумывать что-то, если можно просто рассказать свою жизнь? Основная проблема здесь – кажущаяся легкость. На самом деле очень сложно описать свою жизнь без структуры и истории. Успешные авторы жанра – это талантливые писатели, имеющие в своем багаже художественные романы или хорошее образование и богатую событиями жизнь.

Отцом современного автофикшна является Карл Уве Кнаусгор. Его шеститомник «Моя борьба» – ключевая веха жанра. В одной лишь пятимиллионной Норвегии тираж его книг составил более пятисот тысяч экземпляров, а общемировой подбирается к двум миллионам. Кнаусгор честно говорит, что если не может вспомнить что-то – то придумывает. Но как понять – где правда, а где вымысел? Он рассказывает о сложных отношениях с отцом – но правда ли это? Это очень тонкий вопрос. Здесь хотелось бы сделать небольшое отступление и вспомнить скандал с Греггом Мортенсеном. В 2006 году он написал книгу «Три чашки чая» о созданном им фонде, способствующим образованию, в т.ч. и девочек в деревнях Непала. Книга с художественной точки зрения замечательная, написана очень проникновенно, но выяснилось что все это неправда. Больше Мортенсен не писал.

Но вернемся к Кнаусгору. Его откровенность (которую многие западные критики завроженно и небезосновательно называют «бесстыжей») добирается до таких высот, каких обычному человеку редко удастся достичь даже наедине с самим собой. По сути дела, его книги — вебкамера, установленная в голове у автора, в режиме реального времени открывающая доступ одновременно ко всему, что он видит, помнит или ощущает. Не стоит думать, что биография Карла Уве Кнаусгора содержит в себе нечто особо шокирующее или неординарное. Ничего подобного — все в границах нормы: ни семейного насилия, ни душераздирающих трагедий, ни захватывающих приключений. Однако — и в этом, собственно, состоит тот самый «эффект Кнаусгора» — оказывается, что именно эта обычная, до мельчайших деталей узнаваемая и понятная жизнь в предельно обнаженном виде способна вызывать в читателе чувство жгучей и затягивающей неловкости. Естественно, это не поток сознания, а четко структурированный текст, что бы кто не говорил.

Одним из ярких примеров актуальности жанра служит присуждение последней Букеровской премии роману «Шагги Бейн» Стюарта Дейна. Автобиографичная история самого писателя о любви, которую могут испытывать дети к «небезупречным» родителям. По словам председателя жюри Букеровской премии Маргарет Басби роману Стюарта суждено стать классикой, так как это трогательный, захватывающий и детализированный портрет сплоченного социального мира, его людей и ценностей.

У нас есть прекрасное небольшое издательство, которое посвятило себя автофикшн-текстам – No Kidding Press. Если хотите быть в тренде, обязательно обратите на него внимание. В нем вышла трилогия Тове Дитлевсен, комиксы Лив Стремквист, прекрасные и необычные книги Мэгги

Нельсон. В автофикшн-ключе в России пишут Ольга Брейнингер, Александр Стесин, Наталья Мещанинова, Анна Старобинец.

Книги по теме: Йон Айвиде Линквист «Движение», Мегги Нельсон «Синеты», Наталья Мещанинова «Рассказы», Оксана Васякина «Рана», Александр Стесин «Африканская книга»

Тренд #Личный опыт. Имеет ли автор право писать о том, что не переживал?

В 2020 году американская писательница Дженин Камминс написала роман под названием **«Американская грязь»** - классический триллер, где читателя постоянно держат в напряжении, представляет собой историю матери и сына, бегущих от мексиканского наркокартеля. Книгу купили за 7-значный аванс, ее похвалили Стивен Кинг и Опра Уинфи. Но случился скандал. На презентации книги были использованы инсталляции с колючей проволокой, что спровоцировало скандал, связанный с мексиканской миграцией. В конечном итоге это вылилось в обвинение Камминс, что она не имеет право писать о мексиканцах, если она не этническая мексиканка. Дженин Камминс пришлось оправдываться, но вышло еще хуже. Писательница сообщила, что проводила исследование, но в биографии у нее нет фактов миграции. Т.е. у нее нет личного опыта миграции. Отсюда возникает вопрос - кто имеет право говорить? Если бы Дженин Камминс была мексиканкой и допустила бы ошибки – это бы было простительно? Пока ответов нет.

Та же история про **Гузель Яхину**, на которую обиделись все: татары, сталинисты. Имела ли право Гузель Яхина, не живя в татарской деревне 30-40-х годов критически описывать ее быт? Есть вопросы и к ее последнему роману **«Эшелон на Самарканд»**.

Обратной стороной этого вопроса становится то, что человек оказывается заперт внутри своей тематики. Например, от вьетнамского автора все будут ждать истории о Вьетнаме, но если он захочет написать что-то другое – этот роман не будет выпущен. И только люди, пережившие психологическую травму, могут писать о психологической травме.

Еще одной гранью этого тренда является момент с Публичностью автора.

Автор теперь максимально видимая фигура. В советские времена существовала практика, когда при покупке, например, Дюма тебе давали книгу о металлургии и это еще хорошо. Сейчас личность автора идет вкупе с романом. Возможно, это следствие опять же медийного присутствия. Свежий пример про Дмитрия Глуховского и **«Тотальный диктант»**. Может ли человек критично высказывающийся о государственной политике в медийном пространстве, но не в своих литературных произведениях, быть частью такой акции как **«Тотальный диктант»**? Где заканчивается Дмитрий Глуховский человек, а где Дмитрий Глуховский писатель? Сейчас перед тем как начать читать книгу надо узнать все о писателе, его биографию, количество браков и мнение о режиме. Автор должен быть виден в социальных сетях и еще до

выхода книги привлечь аудиторию. И это работает. Ярчайший пример в России – **Александр Полярный**. Изначально его проект был амбициозным самиздатом, на который Полярный собирал деньги на Boomstarter. Планировалось собрать сто тысяч, но люди скинули более 400 000 рублей. Когда проект стал популярным в сети (и его выложили в открытый доступ), аудитория к этому моменту составила 500 тысяч человек, Александр заключил договор с издательством АСТ. В 2019 году его «**Мятная сказка**» стала самой продаваемой книгой «Эксо-АСТ» с тиражом в 240 000 экземпляров.

Тренд#Феминизм: проблемы гендера, половой неприкосновенности и насилия

О популярности феминистской проблематики в современном культурном пространстве свидетельствует огромное количество новостей в социальных сетях, публикаций в СМИ, рекламы. Литература тоже чутко реагирует на эти изменения, и уже давно рассматривает многие вопросы через фемоптику. Появляется новая этика, у которой свой словарный запас. Абьюз, про-чойс, селф-харм, харассмент: эти термины постоянно появляются и в нашей речи и в художественных текстах. Библиотекарь должен не только знать их, но и умело ими оперировать. Наиболее актуальными темами становятся женское здоровье и внешний вид (здесь мы говорим об идеалах бодипозитива), преступления против половой неприкосновенности и домашнее насилие. Основная сложность для понимания этого феномена состоит в том, что очень часто происходит подмена понятия «феминизм» с мощного социального явления, которое отражает обоюдное стремление мужчин и женщин понять друг друга и прийти к уважению, на агрессивный коммерческий тренд, использующий самые радикальные формы борьбы женщин против мужчин как биологического вида.

Если вы давно хотели разобраться, что такое феминизм, без пустословия и прикрас, – обратите внимание на книгу **Ребекки Солнит «Мужчины учат меня жить»**. Кто не оказывался в ситуации, когда мужчина что-то снисходительно объясняет женщине, «делая скидку» на ее пол? Это могут быть объяснения «специально для девочек» — например, об устройстве программ или приложений, ведь компьютеры «не женское» дело, и непрошенные комментарии, даже если женщина сама неплохо разбирается в вопросе. Или кокетство, смешанное со снисхождением: «Вы очаровательная женщина, но не понимаете, о чем говорите». Или просто исключение женщины из общей беседы, которая кажется собеседникам «не женской». Это явление сейчас имеет свое название – менсплейнинг. Вот как раз Ребекка Солнит и дала жизнь этому термину. Жестокость, насилие, равнодушие, замалчивание – все это попадает во внимание журналистки, которая с холодной головой и беспощадной честностью обличает дискриминацию женщин. От живописи до кино, от прозы Вирджинии Вулф до историй жертв изнасилования, вчера и сегодня, по всему земному шару – Ребекка Солнит написала всеохватную феминистическую книгу.

Активно на тему феминизма пишут и художественные книги. Здесь следует обратить внимание на дебютный роман **Кейт Элизабет Рассел «Моя темная Ванесса»**. Тема сложная и противоречивая, у многих она вызывает негодование и отвращение. Ванессе было пятнадцать, когда она пережила роман с сорокадвухлетним учителем литературы мистером Стрейном. Сейчас ей тридцать два и их связывают теплые дружеские отношения. На первый взгляд. Но когда бывшая ученица Стрейна на волне движения #metoo обвиняет его в домогательствах, Ванессе приходится пересмотреть всю свою жизнь. И наконец-то взглянуть травме в лицо. Если все это не любовь, то что же с ней случилось? Насколько травматический опыт определяет человека? После выхода книги возник скандал, когда одна женщину, которая написала схожую книгу, обвинила Рассел в плагиате. На что Рассел была вынуждена оправдываться, что в романе есть ее личная история.

Тема феминизма стала настолько популярной, что порой ее ищут там, где ее нет. Например, в подборку книг по этой теме попала книга Александра **Поляринова «Риф»**. В книге все герои-мужчины – достаточно безвольные существа, не способные практически ни на что, а женщины, напротив, очень деятельные. На что интернет-общественность сразу подняла Поляринова на волну феминизма, а он сказал, что просто придумал такую историю и о подобном ракурсе он вообще не думал.

Книги по теме: Лора Лэйн, Эллен Хоун «Золушка и стеклянный потолок», Маргарет Этвуд «Пенелопиада», Татьяна Москвина, «Смерть это все мужчины», Салли Николс «На что способна умница».

Тренд#: «Старые песни о главном» или взгляд в вечность.

В настоящее время мало кому из больших прозаиков удастся избежать искушения обратиться к прошлому, чтобы увидеть масштаб происходящего, восстановить причинно-следственные связи, проанализировать тайные мотивы и непредвиденные последствия — и тем самым чуть лучше понять настоящее.

Авторы построились в некий журавлиный клин и полетели назад в прошлое, чтобы там обнаружить сюжеты, которые уже не один десяток и даже сотню раз были использованы. Причем не только сюжеты, берутся мотивы, атмосфера. Конечно, вечные сюжеты были всегда, но сейчас это явление приобрело достаточно широкий размах. Для писателя всегда было большим соблазном взять старую, проверенную историю (как правило миф) и рассказать ее новым способом. Что же за этим стоит?

Одним из ответов может служить то, что таким образом вечное борется с актуальной повесткой. т.е. авторы не хотят писать о дне сегодняшнем с его проблемами, а хотят окунуться в прошлое, где как кажется все намного лучше. Еще один нюанс заключается в том, что обращаясь к старым сюжетам, авторы могут дать право голоса и вывести на первый план таких героев, каким в прошлом не давали слово. Например, роман **Мадлен Миллер «Песнь Ахилла»**. Читая этот роман, вы увидите насколько сама автор погружена в тему, потому что здесь все пропитано огромной любовью к своему делу. Не ждите каких-то подвохов, история будет рассказана

абсолютно в гомеровском стиле, единственное отличие, что все рассказывается от имени Патрокла, который у Гомера не является центральным персонажем или ее же **«Цирцея»**, где собраны сразу несколько мифов о Минотавре, Телемахе и Икаре. Та же история и у Пэт Баркер с романом **«Безмолвие девушек»**, Все знают сказание о Троянской войне». Огромная армия греков осадила Трою, чтобы отбить у вероломных чужаков похищенную ими царицу Елену, а заодно пожить чужим. В войне приняло участие множество великих героев, главным из которых был Ахилл — сияющий, несравненный, великолепный. Но так ли гладко все было на самом деле? Лучше всего об этом знала троянская царевна Брисеида, захваченная Ахиллом во время одного из греческих набегов и ставшая его наложницей. Эта книга — пересказ известного мифа от лица женщин, у которых не было выбора. Популярная британская писательница **Сара Перри** написала роман **«Мельмот»**, который перекликается с одноименным викторианским романом 19 в. Чарльза Метьюрина о человеке обреченном на вечную жизнь. И Сара Перри взяла этого персонажа и перенесла к себе, снабдив немного событиями сегодняшнего дня.

Кстати, возможно, что запрос на проверенные сюжеты есть и у читателя. Особенно ярко это видно, если мы обратимся к жанру детектива, где одним из главных ориентиров является Агата Кристи. Писательница новых романов уже не напишет, а читатель хочет и хочет именно, чтобы все как у Кристи. Рут Уэйр, например, практически полностью построила на детективах прошлого свою карьеру. Хотите еще Агаты Кристи? Возьмите роман **Уэйр «Смерть миссис Вестуэй»**, в котором начинается с того, что в большом английском поместье собирается компания по поводу завещания, а интрига взята из детектива Агаты Кристи **«Загадка Эндхауза»**. Еще одна книга **Уэйр «Поворот ключа»** прямая отсылка к повести Генри Джеймса **«Поворот финта»**. А что самое интересное, все это вынесено на обложку, т.е. читатель сразу об этом узнает. Также абсолютно нещадно эксплуатируется сюжет, когда людей запирают в закрытом помещении без каких-либо средств связи. Агата Кристи написала **«Мышеловку»** с таким сюжетом в 1952 году, но с тех пор каждый год появляется детектив, где людей неизменно где-то запирают и убивают. Например, в прошлом году выстретил роман **Люси Фоли «Охотничий дом»**, где в длинные новогодние праздники компания старинных друзей отправляется в шотландскую глушь. И понятно, что ничего хорошего там с ними произойти не может. **Лиана Мориарти**, знакомая многим по бестселлеру **«Большая маленькая ложь»** написала роман **«Девять совсем незнакомых людей»**, где поместила героев в закрытый пансионат с весьма необычной методикой избавления от психологическим проблем.

Прошлое можно и не оживлять, а лишь взять его условность вместе с устоями, представлениями и традициями и, досконально изучив их, взорвать до основания, поместив в самое сердце истории сегодняшнего человека. Так поступила **Марина Степнова в романе «Сад»**, позволив в середине XIX века вырастить юную княжну Наталью Борятинскую в абсолютной свободе, как растят детей современные матери.

Иногда детальная реконструкция недавнего прошлого становится своеобразной лупой, через которую можно увидеть, из чего мы сделаны и на что способны, — этот фокус блестяще проворачивает в романе **«Город Брежнев» Шамиль Идиатуллин**.

Еще одним вариантом использования «старых» сюжетов может быть сочетание их с актуальной повесткой как сделала **Дейдре Салливан** в своей книге **«13 сказок лесов и морей»**. Перед нами старые добрые сказки, пересказанные с позиции их героинь и описанием их чувств и переживаний, а некоторые — и вовсе с новыми финалами. Золушка не едет на бал в поисках мужа, а начинает собственную жизнь. Красная Шапочка, все еще пытается осмыслить травматичное событие, произошедшее с ней в далёком детстве и вытесненное психикой. А пряничный домик оказывается лишь воплощением желания ведьмы разрушить традицию бодишейминга в семьях и позволить детям питаться так, как им нравится.

Книги по теме: Ли Бардуго «Девятый дом», Кирилл Еськов «Последний кольценосец», Сильвия Морено-Гарсия «Мексиканская готика», Мишель Пейвер «Вэйкенхерст».

Тренд #Травма.

Современные авторы начали говорить о личной травме не так давно, но очень смело и открыто. Разводы, насилие, утрата близкого человека, расстройство пищевого поведения, аборт: травмирующее событие не всегда представляет прямую угрозу для жизни. Но его воздействие бывает настолько сильным, что может привести к деформации самой личности. Много и по-разному говорит о травме автофикшн, но традиционная художественная проза также работает в этом поле, преобразуя травмы в увлекательные истории с терапевтическим эффектом. После выхода в 2015 году **«Маленькой жизни» Ханьи Янагихары**, которая стала символом литературы о травме, читательское сообщество разделилось на тех, кто хочет знать такие истории и тех, кто категорически против. Как бы то ни было, любая терапевтическая практика показывает нам, что говоря о насилии вслух, мы имеем реальный шанс стать человечнее и внимательнее друг к другу. Один из способов пробудить эмпатию – читать книги, героям которых пришлось столкнуться с травмирующим опытом. Некоторым людям подобные книги действительно могут помочь пережить драматичные события и избавиться от страхов. Они показывают, что ты не одинок в своем несчастье и что человек способен преодолеть даже самую острую боль — не только телесную, но и душевную.

«Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему» — эти слова Льва Толстого давно воспринимаются нами как истина. И всем нам обязательно хочется узнать, почему вдруг исчезает счастье? Как так происходит, что вчерашняя «счастливая пара» сегодня даже смотреть друг на друга не может без отвращения и неприязни? Норвежская писательница **Хельга Флатланд** в своем дебютном романе **«Современная семья»** пытается найти ответы на

эти вопросы и поразмышлять. Ее герои переживают разочарование и боль, узнав, что пожилые родители решили развестись. И эта неготовность принять чужой выбор и эгоистичная злость становятся двигателями сюжета, вовлекая персонажей в нелепые ситуации и вскрывая их собственные проблемы. Удивительный роман **Рейчел Бинленд «Флоренс Адлер плавает вечно»** обладает мощной терапевтической силой, потому что рассказывает о проживании горя. Многие из нас откладывают свои эмоции в дальний ящик, не позволяют себе горевать, тем самым подрывая себя изнутри. «Флоренс Адлер плавает вечно» — это основанная на реальной истории семейная сага о том, как далеко можно зайти, защищая родных и во что может вылиться горе, если его заблокировать.

Книги по теме: Элизабет Страут «Мальчики Берджессы», Ребекка Маккай «Мы умели верить». Марика Лукас Рейневелд «Неловкий вечер».

Тренд #: Литературный винтаж.

В России все чаще появляются книжные новинки, которые на самом деле оказываются вновь открытыми произведениями прошлого или переизданиями текстов, которые выходили давно. Интересно, что мы видим современную повестку в книгах, написанных 10, 20, тридцать лет назад. «Ход королевы» Уолтера Тевиса, где каждая шахматная партия описана как триллер, не отпускающая тебя ни на минуту, выстрелил благодаря успешному сериалу, вышедшему в прошлом году. В 80-е годы прошлого века, когда была издана эта книга, она не произвела сильного эффекта, а вот сейчас за ней выстроились очереди. Почему же это происходит? Одной из причин можно назвать то, что людям не хватает историй с завязкой, сюжетом, т.е. классического построения текста. Выше мы говорили о жанре автофикшн и миллениальских романах, у которых может и не быть четкой структуры, что нравится не всем. Вторая причина, о которой мы также говорили, это то, что автор теперь не отделит от своего поведения и лучше читать авторов прошлого, это как-то безопаснее. Еще одной объективной причиной является отсутствие переводчиков. Хороших переводчиков с английского, немецкого не так уж и много, а если мы возьмем, например, датский, то там ситуация очень грустная. Таких людей можно пересчитать по пальцам и все они очень загружены. Как правило, у автора есть официальный переводчик и пока он не закончит переводить один роман, за другой он не примется.

Примерами таких книг может служить книга **Микаэля Ниemi «Популярная музыка из Виттулы»** — настоящая шведская классика, написанная в 2000 году, в 2004 году переведенная на русский и абсолютно у нас не замеченная. В 2020 году ее перевели вновь и успех оказался впечатляющим. Что, в общем, не удивительно, т.к. несмотря на то, что действие происходит в провинциальной Швеции в 60-х годах прошлого века все до удивительного узнаваемо для каждого. Ведь подростки во все времена сталкиваются с примерно одинаковыми проблемами. Что делать подростку,

когда все доступные тебе развлечения это сходить на свадьбу, на похороны, в сауну и подраться? И когда в жизнь детей входит рок-н-ролл – это действительно эпохальное событие. И именно тема музыки оказывается таким вневременным элементом, потому что тема музыки понятна всем возрастам. Та же история и с книгой **Патрисии Данкер «Джеймс Миранда Барри»**, завоевавшая у нас премию «Ясная поляна». Это роман, написанный в 1999 году, о реально существовавшем человеке по имени Джеймс Миранда Барри, врач, долгие годы работавшем в многочисленных британских колониях. Прожившему жизнь, полную приключений, дуэлей. И только после смерти респектабельного джентельмена оказалось, что это женщина. Выбор жизни в мужском облике ее заставила сделать не гендерная идентичность, а собственная мама, решившая, что в 19 веке у мужчины шансов построить независимую и успешную жизнь намного больше, чем у женщины.

Также следует обратить внимание на издательство «Гиперион», активно издающее только восточную литературу. Издательство выпустило книгу **Кага Отохико «Столица в огне»**, которую сравнивают с «Тихим Доном» Михаила Шолохова.

Издательство «No Kidding Press» часто издает книги, которые долго лежали. Так они выпустили книгу классической датской писательницы писательницы уровня Туве Янсон — **Тове Дитлевсен «Детство»**.

Тренд#Интернет-технологии.

С каждым годом все больше появляются романы, действие которых полностью или частично разворачивается в интернете. Социальные сети, онлайн-чаты и мессенджеры все чаще упоминаются в художественной литературе. Они помогают автору вводить новых персонажей, строить диалоги в виде переписок, создавать неожиданные сюжетные повороты. Во избежание нецензурной лексики теперь в переписку героев можно вставить характерный смайлик-эмодзи, а для того, чтобы портретная характеристика не была чрезмерно многословной, достаточно привести описание профиля в Instagram.

Книги по теме: «Followers» Меган Анджело, Татьяна Замировская «Смерти.Net», Александра Шалашова «Выключите мое видео».

Еще одним трендом можно назвать увеличение количества различных гидов по художественной литературе, литературоведческих пабликов. Обратите внимание на книги и публикации Валерии Пустовой, Дмитрия Бака, Олега Лекманова, Константина Мильчина, Митико Какутани, Опри Уинфри.

Следите за новостями, просматривайте списки и обзоры литературы – такую информацию, например, публикует портал **«Горький медиа»**.

Слушайте подкасты о литературе, такие как **«Книжные разборы»** и **«Книжный базар»**.

Подводя итоги. Иногда мы забываем об особенностях общества потребления, в котором живем. Любой контекст меняет текст – электронный,

традиционный: не имеет значения. А. Куприн, с точки зрения современной культуры и новой этики – уже не тот Куприн, о котором нам рассказывали в школе. «Гранатовый браслет» – больше не красивая трагичная история любви, а рассказ о травмирующей невротической привязанности. И такие сломы традиционных установок происходят постоянно.

Читая современную литературу и разбираясь в ее структуре, необходимо учитывать, что тренд – стабильно растущая тенденция, которая заметна уже сейчас и сохранит свою динамику в будущем. На практике мы постоянно можем видеть, как важно осознавать социальные, научно-технологические, политические, исторические, культурные и ценностные тренды как по отдельности, так и вместе. В силу профессиональной специфики мы должны быть в курсе последних новинок, знать имена, уметь поддержать разговор о том, что волнует современного читателя. И главное – понимать, как тут все устроено.

АКУНБ им. В.Я. Шишкова